

Люди и призраки

Японского писателя Кобо Абэ мы знаем как автора романов. Сложных, странноватых. Например, о человеке-ящике, которым он отгораживается от мира, как улитка раковинной. Или о женщине в песках, приютившей в своей каторжной яме беспечно додца бабочек. Строй этих образов, столь необычных для нас поначалу, мы уже привыкли, уловив в их причудливом сплетении высокую боль художника-гуманиста за человека, его протест против античеловеческой действительности капиталистического мира. И это, конечно, облегчает диалог зрительного зала с Кобо Абэ — драматургом, встречу с которым предложил нам Московский Художественный академический театр в своем новом спектакле «Призраки среди нас».

«Призрак, его не видно» — так обозначен в перечне действующих лиц главный персонаж этого необычайного спектакля. Нам не видно. Как и другим непрзрачным персонажам. Видит его и слышит лишь Кайскэ Фукагава — японец оборванец, а в прошлом солдат, потерявший друга во время голодных скитаний по каким-то чужим джунглям. Призрак друга следует за Фукагавой, считающим себя виновником его гибели, повсюду. Он — порождение большой совести героя — то справа, то слева, то отражается в зеркале, если тот ненароком в него

заглянет. Призраки не помнят своего прошлого, не знают имен, и Фукагава одержим мечтой — вернуть память тени своего друга, а также другим призракам (их, оказывается, множество толпится вокруг). Он считает это своим долгом перед покойным. Но как исполнить его, не знает.

Зато хорошо знает, что надо делать в этой ситуации, случайно встретившийся ему Санкити Оба — аферист с темным прошлым. Впрочем, тень убитого им человека «с головой, похожей на булку; и с родничкой на лбу», чем-то помешавшего сильным мира сего, ничуть не тревожит Санкити. Он презирает этого человека, как и все на свете, что не сулит дохода. Встретив Фукагаву, он чувствует, что попал на золотую жилу. В мире, действительность которого призрачна, на призраках можно сделать неплохой бизнес...

Перенесение чисто японского сюжета на советскую сцену тайло в себе немалые творческие сложности. Вполне закономерно приглашение на эту постановку японского режиссера Ютаки Вады, с большим тактом и вкусом соединившего традиционный мхатовский психологизм с элементами еще более традиционного японского театра. Никакого нажима на национальную экзотику. Лишь несколько точных штрихов в гриме,

костюмах, декорациях, несколько вспышек характерных интонаций — этого достаточно, чтобы на московской сцене воцарился японский колорит. В немалой степени способствуют его созданию и танцевально-певческие заставки между сценами. Кстати, песни на стихи Кобо Абэ и Булата Окуджавы — также замечательный сплав творческих индивидуальностей, которые, сохраняя свою самобытность, сливаются в талантливом цельном произведении.

Если кому-то трудно было представить себе в роли Санкити Оба такого характерного актера, как В. Невинный, то спектакль рассеял эти сомнения. Думается, это тот самый случай, когда режиссер, по выражению Станиславского, умирает в актере, а актер стремится к наиболее выпуклому выявлению режиссерского замысла. Санкити В. Невинного — и покладистый мальчик, и циничный делаяга, ничем не гнушающийся ради наживы. Среди ролей популярного актера, мастера комедии, эта — бесспорный шаг вперед, успешная проба сил в новом, необычном жанре. Финальная сцена сумасшествия Санкити, как бы наказанного за слишком вольное обращение с призраками (ему является тень того самого человека «с головой, похожей на булку», жизнь и смерть которого он так презирал), — по-

жалуй, самая яркая эмоциональная точка спектакля.

С. Любшин убедителен в облике Фукагавы, полупомешанного от мук совести. Мягкий лиризм дарования актера тут весьма кстати. А вот эпизод, где его герой словно бы поддается под давлением Санкити соблазну легкого и быстрого обогащения за счет популярности призраков, которых ангажируют даже для сыскной работы среди бастующих рабочих, явно недоигран.

Весьма выразительна триада владельцев города — мэра Куботы (В. Трошин), владельца газеты и банкира Тории (Р. Шевцов) и главы строительной компании Марутака (В. Петров), создающих вместе с Санкити Оба акционерное общество на «призрачной» основе. Эти роли немногословны, лишены психологической сложности, можно сказать, плакатны. Они и решены в духе японского театра масок.

Образный строй спектакля сложен. Но из этой сложности рождается ясность. Спектакль — о пагубности войны, калечащей человеческие судьбы и души. О призрачности капиталистического процветания. О пинизме его заправил, которые сами в сущности — призраки. И о том, что противостоять этим призракам могут и должны реальные люди с живыми душами и живой совестью.

В. ВИШНЯКОВ.